

Религия и власть как стратегический и тактический механизмы социальной нормализации

Кугай А. И. *, Черкасова Т. Г.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *kugay3@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Давно замечено, что нас формирует власть, проникая во все сферы жизни. Однако, глядя в кольца истории, замечаешь, что политико-правовые институты выстраивались не спонтанно-абстрактным образом, дизайн их был предопределен укорененными в социальную ткань религиозными максимами. Соответственно, власть — лишь тактический механизм социальной нормализации, ее стратегическим механизмом выступает религия, как система высших — духовно-нравственных императивов, значений и смыслов, которые предписывают человеку определенное поведение с присущими ему переживаниями и мыслями, тем самым, оказывая на него управленческое воздействие. Очевидно, существование и развитие России в обозримом будущем будет связано с поиском правящей и интеллектуальной элитой таких форм нормализации в политико-правовой, социальной и культурной сферах жизни, которые бы не только не противоречили социальной справедливости — основному идеалу традиционных религиозных конфессий — православию, исламу, иудаизму, буддизму, в сфере управления, воплощенный в евангелистском императиве: «Если кто из вас хочет стать главным, пусть будет всем слугой» (Евангелие от Марка, 10:43), но и обеспечивали, посредством разделения властей, верховенства закона, политической конкуренции, его достижение.

Ключевые слова: религия, власть, православие, социальная нормализация

Religion and Power as Strategic and Tactical Mechanisms of Social Normalization

Kugay A. I. *, Cherkasova T. G.

^aRussian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation;

*Kugay3@yandex.ru

ABSTRACT

It has long been noted that we are formed by power, penetrating into all spheres of life. However, looking at the rings of history, you notice that political and legal institutions were not built in a spontaneous and *abstract* way, their design was predetermined by religious maxims rooted in social fabric. Accordingly, power is only a tactical mechanism of social life, as a system of higher spiritual and moral imperatives, meanings and meanings that prescribe a certain behavior to a person, thereby exerting a managerial influence on him. Obviously, the existence and development of Russia in the foreseeable future will be linked to the search for the ruling and intellectual elite of such forms of normalization in the political, legal, social and cultural spheres of life that would not only not contradict social justice — the basic ideal of traditional religious faiths — Orthodoxy, Islam, Judaism, Buddhism, governance, embodied in the evangelical imperative “If any of you wants to become the chief, let him be the whole servant” (St. Mark’s Gospel, 10:43), but also provided, through the separation of powers, the rule of law, political competition, its achievement.

Keywords: religion, power, orthodoxy, social normalization

Давно уже замечено, что власть и политика оказывают решающее влияние на жизнь социума. Утверждая, что «моему Я — грош цена», Мишель Фуко демонстрировал

каким образом нас формирует власть, проникая во все сферы жизни [8–12]. Однако, вглядываясь в кольца истории, замечаешь, что политико-правовые институты выстраивались не спонтанно-абстрактным образом, дизайн их был предопределен укорененными в социальную ткань религиозными максимами. Соответственно, власть — лишь тактический механизм социальной нормализации, ее стратегическим механизмом выступает религия, как система высших — духовно-нравственных императивов, значений и смыслов, которые предписывают человеку определенное поведение с присущими ему переживаниями и мыслями, тем самым, оказывая на него управленческое воздействие.

Обратившись к духовным, культурологическим истокам человеческой цивилизации — к мифологии и философским учениям Древнего Востока — Египта, Индии и Китая, античной философии, бросается в глаза их функциональное единство — обращенность к обоснованию социальной нормализации, иерархии, общественному порядку, обеспечивающих существование, воспроизводство и развитие социума. Как говорится, если Бог решил наказать человека, то лишает его разума, если захотел наказать общество — оставляет его без власти. Не случайно, во все времена желающих навести порядок, всегда на порядок больше тех, кто согласен его соблюсти...

Современная цивилизация, ее институты — лишь тонкий слой лака на массиве человеческой природы, основы которой закладывались в мифологическую эпоху первобытности. «Эта „седающая древность“, — писал Ф. Энгельс, — при всех обстоятельствах останется для всех будущих поколений необычайно интересной эпохой, потому что она образует основу всего позднейшего более высокого развития, потому что она имеет своим исходным пунктом выделение человека из животного царства, а своим содержанием — преодоление таких трудностей, которые никогда уже не встретятся будущим ассоциированным людям» [13, с. 118]. Кристаллизация основ европейской цивилизации осуществлена в античной мифологии, в художественно-аллегорической форме, обобщившей социальные практики и нормы древнего общества. К примеру, образ Фемиды, ее атрибуты — повязка, закрывающая ее глаза, олицетворяющая беспристрастность наказания, 2) весы, выражающие соразмерность наказания, 3) меч, воплощающий неотвратимость наказания, является непреходящим символом института правосудия.

В архаичной общности верховная власть индуцировалась тотемом, представляющим из себя природные объекты или явления, которым род, племя проявлял особенное поклонение. В последующем суть религиозных реформ заключалась в нахождении божества, признаваемого всеми племенами данного этноса. Примером этого может служить древнеегипетский бог солнца Амон Ра, почитаемый всеми племенами, сплотившего египтян, в результате реформы Эхнатона, в единый народ. В древней мифологии большинства народов боги являлись не только источником высшей власти, но и верховным регулятором земной жизни, предписывая людям программы жизнедеятельности.

Основное предназначение кастовой теории древнеиндийских вед, конфуцианской и платоновской социальных теорий — обоснование общественной иерархии, ролей между различными слоями общества, нормативных требований, предъявляемых к ним. Так, Платон, ставя в центр своей социальной философии идеал справедливости, исходил из того, справедливый человек в своих основных характеристиках совпадает с идеалом справедливого государства. Трем началам человеческой души — разумному, яростному и вожделеющему — соответствуют в государстве три подобных начала — совещательное, защитное и деловое, а этим последним соответствуют три сословия — правителей, воинов и производителей (ремесленников и земледельцев). Справедливость заключается в том, чтобы каждое начало занималось своим делом и не вмешивалось в чужие дела. Кроме того, справедливость требует, по Платону, соответствующей иерархической соподчиненности этих

начал во имя целого: способности рассуждать (т. е. философам, которые персонализируют эту способность) подобает господствовать; яростному началу (т. е. воинам) — быть вооруженной защитой, подчиняясь первому началу; оба этих начала управляют началом вожделеющим (ремесленниками, земледельцами и другими производителями), которое «по своей природе жаждет богатства»[7].

Идея социальной нормализации — краеугольный камень библейского учения. «Нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены». «Посему противящийся власти противится Божию установлению» (Рим. 13:2). Идеей всеобъемлющего божественного регулирования и контроля проникнут Ветхий Завет. Бог, Вседержитель «промышляет о земле» и «управляет всею вселенною» (Иов 34:13). Моисей и народ заключают двухсторонний договор с Богом: одна сторона обязуется следовать воле и заповедям Бога, а другая — вести, защищать и спасти народ, выполняющий договор. Утверждая семью как основу общества; непреложность частной собственности; верховенство закона; соразмерность и неотвратимость наказания за противозаконные действия, Ветхий Завет заложил фундамент перехода общественной жизни от естественного политико-правовому состоянию.

Новый Завет провозгласив «Кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мф. 22:21), провозгласил основополагающие принципы государственно-церковных отношений. Суть их в возникновении двух институтов, взаимосвязанных, но функционально неидентичных, не обладающих всей полнотой власти: церкви и государства. Государство больше не является носителем сакрального авторитета, обращающегося к глубинам человеческой совести, но для утверждения своих моральных ориентиров, апеллирующего к церковному институту, возглавляемого Иисусом Христом. Бог-Отец «поставил Его выше всего, главою Церкви, которая есть Тело Его» (Еф. 1:22). Каждый институт существует в своих границах и от баланса их взаимоотношений зависит свобода. Даже в самые трагичные периоды истории концепт свободы, явленный в основополагающих свидетельствах веры, оставался высшей инстанцией, к которой можно было апеллировать, противостоя принудительному слиянию политического сообщества и сообщества веры, являлся бастионом совести, основанием свободы личности, основным фактором разделения полноты властного авторитета. Тем самым, Новый Завет заложил моральные и политико-правовые ориентиры развития европейского общества, суть которых в равенстве всех людей перед Богом, в праве на достойную жизнь.

Христианство, в особенности протестантизм, сыграло решающую роль в становлении западноевропейской цивилизации. Основатель протестантского движения Мартин Лютер, руководствуясь идеей предопределенности пребывания в земной мире, постулировал цель жизни, состоящую в том, что спасение души («оправдания») человеком достижимо не через церковь и ее обряды, а с помощью личной веры, даруемой человеку непосредственно Богом. Источником религиозной истины утверждается не Священное предание, решения пап и церковных соборов, а само Евангелие. Спасение, согласно Лютеру, достигается в результате мирской аскезы, добродетельного и усердного повседневного труда, достижения успеха в экономической, политической, социальной и культурной сферах жизни. «Ибо, как тело без духа мертво, так и вера без дел мертва» (Иак. 2:26). Религиозно обоснованная доктрина о добродетельности труда, трудолюбие, пропагандируемое в проповедях лютеран, «протестантская этика»¹ распространялись не только на основную массу населения, но и на правящую элиту, включая предпринимательский класс. Достижение прибыли и материального достатка рассматривалось в качестве кри-

¹ Термин «протестантская трудовая этика» введен в научный оборот немецким социологом и философом Максом Вебером в знаменитой работе «Протестантская этика и дух капитализма» в 1905 г.

терия Спасения и Богоизбранности. Если бы первому капиталисту, проникнутому духом протестантской этики, задали вопрос: — На каком месте он находится от Господа, то ответ был бы, очевидно, таким: — Это зависит от того, сколько знаковых чисел находится у меня на банковском счете. От добра добра не ищут. Добро — наживают. Интериоризация Бога воплотилась в притязании свободы совести и морального выбора, защищенных правом. Индивидуальное толкование евангелистского учения явилось критерием легитимности власти, фундаментом становления демократических политических институтов.

Наиболее зримо роль протестантских деноминаций проявляется в становлении демократических институтов США. Как заметил К. С. Гаджиев, организованная религия с самого начала истории Америки была вовлечена в общественно-политическую жизнь страны. «Она служила в качестве активной силы, лежащей в основе реформистских и гуманитарных движений. Многие религиозные деятели принимали активное участие в американской революции. Одним из способов участия религиозных общин в развитии общественной жизни Новой Англии были регулярные проповеди, посвященные важным событиям в общине, в том числе политическим, благодаря которым религиозное сообщество влияло на ход политических процессов. Например, в проповедях, освещавших выборы, оглашались необходимые качества правителя, и акцентировался принцип взаимных обязательств народа и власти. Таким образом, очерчивались варианты выбора, который должны были сделать избиратели» [3, с. 36].

Как отмечает Джек Курт, «в большом количестве протестантских церквей, особенно в США (конгрегационалисты, баптисты и др.), внутрицерковная жизнь регулировалась самостоятельно всей общиной. В данном случае, светским и политическим партнером этой формы управления церковью была демократия. Можно говорить, что становлению американского федерализма во многом содействовало многообразие протестантских церквей в США и их федеральный путь развития, вошедший под названием «конгрегационализм» [14, с. 37]. Можно сказать, что самая успешная страна сегодняшнего мира — США — начала свою независимую историю как союз протестантских штатов. Католичество строило земное Царство сверху, пыталось решить сначала главный вопрос Царства — вопрос о власти. Оно понимало, что не заполучив в свои руки всю полноту земной власти, Церковь не сможет преобразовать земную жизнь по небесным законам. Протестантизм смело берется и за эту задачу. И это проносит свои плоды. Протестантизм, как религия англо-саксонской цивилизации — наиболее продвинутой в технологической сфере, оказал существенное влияние и на католицизм, наиболее полно воплощенный в континентальной Европе, в решениях II Ватиканского собора (1962–1965 гг.), в принятой им конституции «*Gaudium et Spes*» («Радость и Надежда»).

Из этого можно заключить, что христианство оказало решающее влияние на процессы социальной нормализации в демократическом обществе.

1. В отличие от богов языческих, подчиненных неотвратимой судьбе, Бог христиан свободен, неограниченная и непредсказуемая свобода признается существенным признаком Его могущества. Свободному Богу соответствует созданный по Его образу и подобию человек, обладающий дарованной Творцом свободой воли. Индивид — личность становится конечной моральной инстанцией, ответственной за совершаемые им поступки. Он волен вступить на путь добра, либо сойти с него, встав на путь зла и греха.
2. Благодаря христианству идея равенства всех перед Богом, равного достоинства всех человеческих личностей стала возможной для всех народов.
3. Идея затем была положена в основу демократии, социального равенства.
4. Христианство заложило нравственные и культурные основы личности современного цивилизованного человека (не только для народов Европы, но и для на-

родов всех континентов). Эти основы и легли в основу в качестве базисных для демократических ценностей и институтов.

5. Сегодня католическая церковь и протестантские деноминации стали активными участниками политического процесса. В их распоряжении ресурсы политических партий, система религиозного образования, СМИ, их представители в законодательных, судебных и исполнительных органах власти, побуждая должностных лиц высказывать свои мнения и принимать политические решения по вопросам, волнующим церковь и верующих.

Оценивая влияние религии на политику, отметим в ней роль религиозной символики в качестве общезначимого авторитета, несмотря на провозглашенный светский характер современных государств. К примеру, основной закон Германии обращен к Богу, Конституция Ирландии — к Троице. Англия, Дания, Финляндия, Греция имеют государственную религию. «In God We Trust» (с англ. — «Мы верим в Бога») — официальный девиз США, размещенный на оборотной стороне ныне выпускающихся долларовых банкнот. При вступлении в должность президенты России и США приносят присягу на Библии. В широком смысле — взаимодействие религии и власти как стратегического и тактического механизма социальной нормализации — это процесс формирования социального государства, способ достижения общественного диалога, согласия. Партнерство религии и власти является предпосылкой, эффективным инструментом достижения социальной солидарности в обществе, который представляет собой систему урегулирования конфликтов во всех сферах жизнедеятельности, а также форму согласования интересов субъектов социального партнерства, обеспечивая их конструктивное взаимодействие.

Духовные основания российской власти, ее образ и особенности влияния на политические процессы восходят к опыту церковно-государственных отношений в Византийской империи, в основе которой изначально была положена «симфония властей». Термин «симфония» впервые употребил Юстиниан I в предисловии к своей VI новелле: «Величайшие дары Бога людям от человеколюбия свыше данные — священство (ιερωσύνη) и царство (βασίλεια), одно, служа божественному, другое о человеческом заботиться и управляя, — из одного и того же начала вышли, и привели в порядок человеческую жизнь. Поэтому ничто так не было бы весьма желанным царству, как величавость иереев, если бы только за него самого всегда они молили Бога. Ибо если первое было бы беспорочно всесторонне и с искренностью к Богу сопричастно, второе верно и подобающим образом вверенное ему государство приводило бы в порядок, было бы согласие некое благое, так что все благо роду человеческому было бы подарено» [15]. В обыденном сознании византийцев божественное и человеческое, душа и тело четко разграничивались. Государство также рассматривалось как единый организм, в котором есть и тело, и душа. Как заметил Л.А. Тихомиров: «Возможно, ни в одном христианском государстве не придавалось отношениям духовной и светской властей такой важности, поэтому Византия могла похваляться тем, что нигде вопрос о союзе церкви и государства не был решен более удачно» [6, с. 114]. Византийский император Иоанн II Комнин (1087–1143) о «симфонии» писал так: «Во всем моем управлении я признавал две вещи как существенно отличные друг от друга: первая есть духовная власть, которую Верховный Первосвященник мира, Царь мира Христос даровал своим ученикам и апостолам как нерушимое благо, посредством которого они по божественному праву обладают властью вязать и разрешать всех людей. Вторая же есть светская власть, заведующая делами временными и обладающая по божественному установлению одинаковым правом в своей сфере. Обе эти власти, господствующие над жизнью человека, отделены и отличны друг от друга. Но, будучи различны по существу своему, обе эти власти для благочестия человеческого должны быть в полном между собой единении» [6, с. 272]. По словам Л.А. Тихомирова, «визан-

тийский принцип „симфонии“ был совершенно правильным по нескольким причинам: во-первых, это правило было установлено в эпоху Вселенских соборов и признавалось ими, во-вторых, он избавил Византию от борьбы духовной и светской власти за главенство и, наконец, благодаря принципу разделения властей, верховная власть приобрела большой авторитет» [6, с. 122].

Принцип «симфонии» лег в основу формирования системы власти в Древней Руси, поскольку власть в ней изначально нуждалась в религиозно-моральном обосновании. Это нашло отражение в торжественной проповеди 1043 г. киевского митрополита Илариона «Слово о законе и благодати» (полное название: «О Законе, через Моисея данном, и о Благодати и Истине через Иисуса Христа явленной, и как Закон отошел, Благодать и Истина всю землю наполнили, и вера на все народы распространилась, и до нашего народа русского дошла. И похвала князю нашему Владимиру, которым мы крещены были. И молитва к Богу от всей земли нашей»¹. «Слово», перенеся акцент с Ветхого Завета, устанавливающего первенство Закона, на Новый Завет, основанного на первородстве Благодати, уделив особое внимание религиозному обоснованию сакральности княжеской власти, предопределило характер социально-политических отношений, организованных не столько на формально-правовом обезличенном принципе «чтойности», а сколько на личевоности («ктойности») — принципе личного доверия. Основным детерминантом социального бытия становится не принудительная власть Закона, а благотворящая сила Любви — «чувство, которое побуждает человека сознательно и добровольно отказаться от каких-либо благ и преимуществ в пользу другого субъекта» [1, с. 2]. Возвеличивая Киевского князя Владимира до «Красного Солнышка», объявляя его, как помазанника Божьего, «Слово» наделяет его всей полнотой монархической власти. Отсюда, русское народное правосознание, противопоставляя право и мораль, право и правду, основывалось на монархическом идеале. В этой системе государство = государь-ство, власть Богом данная, в которой властвует не избираемый, почитаемый всеми, эксклюзивный, непререкаемый авторитет — Государь.

Практически все правители государства российского — Новгородские князья, Киевские и Владимирские великие князья, Русские цари и императоры — являли собой образец государственного служения, воспринимая власть не как желанный плод, но тяжкий Крест, возложенный на них Божественным Провидением, как бремя, несение которого требовало невероятного напряжения всех жизненных сил. К тому же, российская политическая история отнюдь не дискретна, а представляет собой воплощение православия [4] в прямой, либо в превращенной форме «русского коммунизма» (Н. А. Бердяев) [2]. Ведь очевидно то, что практически все советские правители служили Высшей Правде, воплощенной в квази-религиозном идеале коммунизма, были незаурядными государственниками. Масштабы советской империи фактически простирались от Ханоя до Берлина. Впоследствии, как известно, Россия вступила в период смуты 90-х годов, явившейся прямым следствием утраты доверия к Верховной власти, не соответствующей Высшей Правде.

Что касается современности, у нас по-прежнему — персоналистская модель власти. В России, с ее размерами и сложным административно- и этно-территориальным устройством, не прижилась полноценная, как двухпартийная (США, Англия), так и многопартийная система (Германия, Франция). Многопартийность в нашей стране дважды (1917, 90-е) приводила к гражданской войне. События, происходящие на Украине, непосредственно связаны с отсутствием авторитетной партии, способной объединить общество. Наш Президент — национальный лидер,

¹ «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона. Академик Дмитрий Лихачев [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/slovo-o-zakone-i-blagodati-mitropolita-ilariona> (дата обращения: 30.06.18).

а не просто нанятое на время лицо, для исполнения государственных обязанностей. Что является свидетельством традиционного для России способа построения и наследования духовно-нравственной вертикали. Лидер есть главный собственник и националист в России, поскольку, вбирая в себя людей, территорию, историю, культуру, науку, экономику, артефакты, геополитические вызовы, стоящие перед страной, вносит в них национальный смысл [5].

Таким образом, существование и развитие России в обозримом будущем, очевидно, будет связано с поиском правящей и интеллектуальной элитой таких форм нормализации в политико-правовой, социальной и культурной сферах жизни, которые бы не только не противоречили социальной справедливости — основному идеалу традиционных религиозных конфессий — православию, исламу, иудаизму, буддизму, в сфере управления, воплощенного в евангелистском императиве: «Если кто из вас хочет стать главным, пусть будет всем слугой» (Мк. 10:43), но и обеспечивали, посредством разделения властей, верховенства закона, политической конкуренции, его достижение.

Литература

1. Андреев В. Н. Национальные модели хозяйствования (интересы, мотивы, стимулы, потребности, предпочтения, управление). СПб., 2017.
2. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М. : Наука, 1990.
3. Гаджиев К. С. Американская нация: национальное самосознание и культура. М. : Наука, 1990.
4. Казин А. Л. Последнее Царство. Русская православная цивилизация. СПб. : Петрополис, 2007.
5. Кугай А. И. Патриотизм как фактор гражданской идентификации и национального единства // Управленческое консультирование. 2018. № 5. С. 152–161.
6. Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. М. : Издательство «Библиотека Сербского Креста», 2004.
7. Платон. Государство // Платон. Собр. соч. в 3 т. Т. 3 (1). М., 1971.
8. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М. : Касталь, 1996.
9. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб., 1997.
10. Фуко М. История сексуальности — III: Забота о себе. Киев : Дух и литера; Грунт, М. : Рефл-бук, 1998.
11. Фуко М. Рождение клиники. М. : Смысл, 1998.
12. Фуко М. Рождение тюрьмы / пер. с франц. В. Наумова. М. : Ad Marginem, 1999.
13. Энгельс Ф. Анти-Дюринг // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. М., 1955–1981. Т. 20.
14. Kurth J. The protestant deformation and American foreign policy. Paper Presented to The Philadelphia Society, 37th National Meeting, April 2001.
15. Flavius Justinianus Imperator. Novellae, ed. R. Scholl and W. Kroll, Corpus iuris civilis, vol. 3. Berlin : Weidmann, 1895 (repr. 1968). Nov. 6 pr.

Об авторах:

Кугай Александр Иванович, профессор кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор философских наук, профессор; kugay3@yandex.ru

Черкасова Татьяна Григорьевна, аспирант кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); sadovskaya.tanata@mail.ru

References

1. Andreev V. N. National models of managing (interests, motives, incentives, requirements, preferences, management). SPb., 2017. 144 p. (In rus)

2. Berdyaev N. A. Sources and sense of the Russian communism. M. : Science, 1990. (In rus)
3. Gadzhiyev K. S. American nation: national consciousness and culture. M. : Science, 1990. (In rus)
4. Kazin A. L. Last Kingdom. Russian orthodox civilization" SPb. : Petropolis, 2007. (In rus)
5. Kugay A. I. Patriotism as factor of civil identification and national unity // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2018. N 5. P. 152–161. (In rus)
6. Tikhomirov L. A. Monarchic statehood. M. : Library of the Serbian Cross publishing house, 2004.
7. Platon. State // Platon. Collected works in 3 vol. V. 3 (1). M, 1971. (In rus)
8. Foucault M. Will to the truth: on that side of knowledge, power and sexuality. Works of different years. M. : Kastal, 1996. (In rus)
9. Foucault M. Madness history during a classical era. SPb., 1997. (In rus)
10. Foucault M. Sexuality history — III: Care about yourself. K: Spirit and letter; Soil, M. : Refl-book, 1998. (In rus)
11. Foucault M. Birth of clinic. M. : Sense, 1998. (In rus)
12. Foucault M. Birth of the prison / translation from French. V. Naumov. M. : Ad Marginem, 1999. (In rus)
13. Engels F. Anti-Duhring // K. Marx and F. Engels. Compositions. the 2nd ed. M, 1955–1981. V. 20. (In rus)
14. Kurth J. The protestant deformation and American foreign policy. Paper Presented to The Philadelphia Society, 37th National Meeting, April 2001.
15. Flavius Justinianus Imperator. Novellae, ed. R. Scholl and W. Kroll, Corpus iuris civilis, vol. 3. Berlin : Weidmann, 1895 (repr. 1968). Nov. 6 pr.

About the authors:

Alexander I. Kugay, Professor of the Chair of the State and Municipal Management of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Philosophy), Professor; kugay3@yandex.ru

Tatyana G. Cherkasova, Graduate student of the Chair of State and Municipal Management of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation); sadovskaya.tanata@mail.ru